

Глава 7

В первый же вечер, как и предсказывал Лу Ян, в их дом потянулись бесстыжие соседи, которые являлись аккурат к ужину.

Перед свадьбой не стоило затевать ссоры.

Лу Ян, подражая характеру брата и поведению своих отцов, терпел, сколько мог. А когда терпение заканчивалось, уходил в свою комнату, чтобы не видеть и не слышать.

Но годы, проведенные в семье Чэнь, научили его прятать достаток, особенно то, что было в тарелке.

Ужин приготовили как обычно, но на стол поставили лишь две миски с соленьями: одну с квашеной капустой, другую — с маринованной редькой, ни кусочка мяса.

Только когда гости ушли, Лу Ян опустил с потолочной балки подвесную корзину и достал оттуда три блюда.

Питание в семье Лу улучшилось, и в каждом блюде теперь было мясо: тушеная с капустой вяленая свинина, жареные с мясом зимние побеги бамбука и яичный пудинг на пару.

Мясо для бамбука было срезано с той же вяленой свинины, так что одно и то же мясо использовалось дважды, для аромата.

Рис был грубого помола, жесткий. Лу Ян размачивал его в рисовом отваре.

Ночь прошла спокойно. На следующее утро в доме начались приготовления к свадьбе.

Он выходил замуж, поэтому пир устраивать не нужно было, но арахиса и семечек следовало заготовить вдоволь, да и чая вскипятить побольше.

Отцы считали, что, раз уж они бедны, то пусть все будет скромно, но вместо чая гостям нужно подать сладкую воду, чтобы те, подсластив язык, говорили добрые слова. В такой радостный день это было хорошей приметой.

Лу Ян был против. Отношения в деревне были прохладными, чашка сладкой воды ничего не изменит, только зря потратятся.

Он плохо ориентировался в доме, поэтому попросил отца прибраться внутри, а сам взял метлу и лопату и пошел наводить порядок во дворе.

В доме держали много кур, и на земле было полно помета и перьев, а также следов крови от недавнего забоя.

Обычно двор подметали поверхностно, и пятна оставались. А помет и кровь — плохие приметы. Лу Ян снял лопатой верхний слой земли и отнес его на маленький огород у стены.

Всех кур продали, и дел во дворе было немного. Он заодно разобрал и почистил курятник.

В семье Чэнь тоже держали кур, так что это дело было ему знакомо. Только он разобрал курятник, как тут же взялся за лопату, а потом принес из кухни золу и посыпал землю, чтобы отбить запах.

Лу Эр-бао, обойдя всю деревню с приглашениями на проводы, вернулся и, увидев его за работой, хотел было сменить его. Но Лу Ян не согласился.

Курятник был низким, покрыт многолетней грязью, и убирать его было тяжело для спины. Раз уж он дома, он сделает это сам.

Лу Эр-бао не смог его уговорить и остался помогать.

Вдвоем они быстро управились.

Затем Лу Ян проверил запасы дров. Семья была маленькой, рабочих рук не хватало, поэтому все трое старались запасать дрова заранее, чтобы зимой не бегать в лес. Но запасов было немного — хватало на готовку, но не на то, чтобы греть воду для стирки.

Лу Ян отметил это про себя. До первого снега нужно было достать угля, чтобы отцу было легче стирать.

Самым сложным в сборах было приданое.

Его было мало. Семья смогла справиться ему только одно новое одеяло, на большее денег не хватило.

Остальное — его повседневные вещи, немного одежды и обуви.

Он то доставал их, то снова убирал. В итоге все уместилось в два маленьких бамбуковых сундучка.

Ван Фэн-нянь, глядя на это, вытирал слезы.

Восемнадцать лет растили ребенка, и вот все, что они могли дать ему с собой.

Лу Ян же относился к этому проще. В те времена мало кто мог позволить себе много одежды. У него и так было неплохо.

Лу Эр-бао заранее купил красную бумагу, и Ван Фэн-нянь вырезал из нее узоры на окна. Они боялись, что соседи их испортят, и решили наклеить их в день свадьбы, встав пораньше.

Лу Ян не возражал.

После этого оставалось только одно — скромное свадебное платье.

Ткань была грубой, неравномерно окрашенной и жесткой на ощупь. В лавках такую продавали со скидкой.

Ван Фэн-нянь купил шесть чи ткани и хотел сшить из нее накидку, как в магазинах готовой одежды. Но он не умел, долго размышлял, а потом переделал ее по выкройке обычной куртки, только удлинил подол. Такую красную одежду можно было надевать поверх стеганой куртки — и тепло, и практично.

Лу Ян примерил ее.

Платье доходило до щиколоток, полностью скрывая его.

Отцы впервые видели его в такой длинной и строгой одежде и наперебой хвалили, как он красив.

— И рост подчеркивает, и фигуру, и цвет лица освежает.

Лу Ян смущенно потер щеку.

Воспользовавшись его смущением, Ван Фэн-нянь подал знак Лу Эр-бао. Когда тот вышел из комнаты, Ван Фэн-нянь начал наставлять Лу Яна.

После свадьбы он станет взрослым, уже не гээр, а супругом.

Все это Лу Ян знал. Он вырос на улицах, где рано учишься ругаться и понимать смысл грязных слов. К тому же, его братья в семье Чэнь рассматривали непристойные картинки, так что ему было трудно оставаться в неведении.

Он боялся выдать себя. Он был слишком толстокожим, не то что его брат. Что, если он, слушая

эти смущающие вещи, даже не покраснеет?

К счастью, совесть у него еще была.

Когда родной отец начал его поучать, он сначала почувствовал неловкость, а потом — трогательную заботу.

Ван Фэн-нянь был осторожен и настойчиво расспрашивал, все ли он понял, пока тот не покраснел до корней волос.

Этой ночью Лу Ян долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок.

В душе его теснились непонятные чувства, и он беспокоился о том, как там его брат.

А в это время в далекой деревне Чэньцзявань Лу Лю, сидя на кане, давился горьким отваром.

Лу Сань-фэн без умолку ругала его, называя «разорением», и не спускала с него глаз, пока он не выпил все до капли.

Свадьба была на носу, и, хоть и жалко было денег, семье Чэнь пришлось вызвать лекаря. Одна порция лекарства была разбавлена таким количеством воды, что живот Лу Лю раздулся, как барабан.

Заесть горечь было нечем, приходилось пить простую воду. К счастью, у него остался тубус с вяленным мясом, который подарил ему Ли Фэн. Когда Лу Сань-фэн выходила из комнаты, он отламывал маленький кусочек и рассасывал его, чтобы перебить вкус лекарства.

Болезнь было тяжело, а постоянно выслушивать ругань — еще тяжелее. При мысли о том, что его брат все эти годы жил так, ему становилось совсем невмоготу.

Но, к счастью, скоро свадьба.

После свадьбы он попробует снова разводить кур или еще что-нибудь. Он договорится с Ли Фэном, чтобы тот оставлял ему немного денег. Он хотел помочь брату, чтобы тот поскорее освоился в семье Се.

Эта жизнь была невыносимой.

Что было особенно унижительно, так это то, что от обильного питья ему чаще хотелось в туалет, и его братья тоже начали его за это ругать.

В деревне было не так, как в городе, где забирали ночные горшки.

Деревенские жители устраивали уборные во дворах, собирая удобрения не только от своей семьи, но и подбирая навоз на дорогах.

В семье Лу было мало людей, и удобрений не хватало. К тому же, соседи воровали его, и отцу приходилось с ними ругаться.

Лу Лю редко видел, чтобы его отец с кем-то спорил, и каждый раз это было из-за земли или удобрений.

В семье Чэнь было иначе.

Они не хотели таскать навоз.

Лу Лю, поглаживая живот, боялся даже выходить в уборную.

Он выбирал моменты, когда в доме были гости и царил дружелюбная атмосфера. Тогда он быстро бежал в уборную, а потом снова прятался под одеяло.

Так прошло два дня, и наконец наступил вечер перед свадьбой.

Старина Чэнь собирался устроить прощальный ужин, но из-за того, что на лекарство ушел целый лян серебра, денег на еду не осталось, и ужин отменили.

В конце концов, помолвка состоялась, утром приедут за невестой, и отступать уже поздно. План семьи Чэнь по созданию видимости богатства был завершен.

Приданое было собрано — в основном одежда и обувь.

Из двух новых комплектов, сшитых для Лу Яна, ему оставили только один, тот, что был на нем. Другой забрала Лу Сань-фэн.

Свадебного платья не было, но был красный платок на голову — гайтоу.

Платок был красивым, с вышивкой. Ткань была красной, но не кричащей, а узор — пышным и цветочным.

— Этот платок твой отец подарил мне на помолвку, — сказала Лу Сань-фэн. — Свадебное платье я давно заложила, а платок оставила на память. Когда вернешься после свадьбы, принеси его мне. Когда твои братья будут жениться, он еще пригодится.

Лу Лю кивнул.

Он часто плакал, и за два дня, проведенных в семье Чэнь, его глаза постоянно были красными и опухшими. Он выглядел очень жалким.

Старина Чэнь, глядя на него, почувствовал укол совести.

Все-таки он растил его восемнадцать лет.

— Если нравится, оставь себе, — сказал он. — Другого приданого я тебе все равно дать не могу. В семье Ли все будет зависеть от тебя.

Лу Лю был поражен.

Но, встретив его удивленный взгляд, Старина Чэнь тут же развеял это мимолетное чувство.

— Не забывай помогать родной семье и не становись на сторону мужа. Разве от этого бывает что-то хорошее?

Лу Лю промолчал и посмотрел на Лу Сань-фэн.

Та от его взгляда вспыхнула от ярости.

Вот и наглядный урок.

Только что она велела ему вернуть платок, а Старина Чэнь разрешил оставить. И она не смела возразить.

Действительно, от того, чтобы становиться на сторону мужа, ничего хорошего не бывает.

Жаль только, что Лу Лю был не Лу Яном.

Он вырос в другой семье.

Его отцы жили, поддерживая друг друга.

Никто не становился ни на чью сторону, все было взаимно.

Ты понимаешь меня, я понимаю тебя, и все можно решить сообща.

Лу Лю не стал делиться своими наивными мыслями с человеком, умудренным опытом, и снова кивнул.

Когда стемнело и все разошлись спать, осталась Лу Сань-фэн, чтобы научить его, что делать в первую брачную ночь.

Лу Лю слушал ее сбивчивые объяснения о том, как ублажать мужа, и понимал лишь то, что нужно поскорее родить ребенка, о чем говорил и его отец.

— А как поскорее родить ребенка? — спросил он.

Этот вопрос поставил Лу Сань-фэн в тупик.

— ... — она открыла рот, но не нашлась, что сказать.

Лу Лю вопросительно посмотрел на нее.

— Ты что, не поняла, что я тебе только что говорила? — спросила Лу Сань-фэн.

Лу Лю казалось, что он понял.

Лу Сань-фэн велела ему повторить.

Лу Лю смущенно покраснел.

— Нужно ублажать мужа в постели, чтобы ему было хорошо.

— А потом? — спросила Лу Сань-фэн.

Лу Лю тоже ждал продолжения.

Что нужно делать, чтобы поскорее родить ребенка?

Лу Сань-фэн от его вопроса рассмеялась.

— Ты столько лет прожил на улицах и не знаешь таких вещей! Мне что, нужно говорить тебе все прямым текстом? Я смотрю, ты опять за свое, издеваешься надо мной, да?

Лу Лю не издевался.

Но он понял, что его брат наверняка знает, о чем идет речь.

Раз так, он не будет больше спрашивать.

В следующий раз, когда он увидит брата, он спросит у него.

В конце концов, рождение ребенка — дело не одного дня, можно не торопиться.

— Не злись, я не буду больше спрашивать, — послушно сказал Лу Лю.

Лу Сань-фэн разозлилась еще больше.

«Этот гээр совсем от рук отбился! Думает, раз выходит замуж, нашел себе опору, так можно и меня ни во что не ставить!»

Лу Лю, видя, как она кипит от ярости, смиренно сказал:

— Тогда ругай меня.

Он просто закрывает уши и делает вид, что не слышит.

И тут он увидел, как Лу Сань-фэн затряслась от злости.

Он молча спрятался под одеяло.

«Что происходит? Почему она злится, когда я спрашиваю, и злится, когда не спрашиваю? Прошу ее ругать меня — она все равно злится?»

«Как же трудно ей угодить».

«Надеюсь, с мужем будет легче».

<http://bllate.org/book/16991/1581955>